

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Романо-германская филология,
Контексты культуры
и литературные связи

Международный сборник научных статей

Новополоцк
2017

Редколлегия:

А.А. Гугнин – доктор филологических наук (отв. ред.);
 Д.А. Кондаков – кандидат филологических наук;
 Т.М. Гордеенок – кандидат филологических наук;
 Р.В. Гуревич – доктор филологических наук;
 Г.Н. Ермоленко – доктор филологических наук;
 Е.А. Зачевский – доктор филологических наук;
 З.И. Третьяк – кандидат филологических наук;
 Н.Б. Лысова – кандидат филологических наук;
 С.М. Лясевич – кандидат филологических наук;
 С.Ф. Мусиенко – доктор филологических наук;
 М.Д. Путрова – кандидат филологических наук;
 Л.Д. Синькова – доктор филологических наук;
 И.А. Чарота – доктор филологических наук.

Рецензенты:

кандидат филологических наук, профессор,
 заведующий кафедрой зарубежной литературы МГЛУ Ю.В. Стулов,
 кандидат филологических наук, доцент,
 заведующий кафедрой перевода БГУ Д.О. Половцев

Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк, 2017. – 352 с.
 ISBN 978-985-531-572-9.

В настоящем международном научном сборнике, продолжающем предыдущие издания (2011 и 2013 гг.) кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета, публикуются статьи по актуальным вопросам романо-германской и славянской филологии, методологии литературоведческих исследований, методике преподавания гуманитарных дисциплин. Особое внимание в данном сборнике уделено проблемам конкретно-исторического изучения литературных взаимосвязей, а также философским, социальным и литературоведческим аспектам изучения проблемы войны и мира.

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

мы содержательного анализа общественно-политических текстов. – Вып. 6. – Минск: «Издательский центр БГУ», 2009. – С. 11–29.

5. Oukhvanova-Shmygova, I. Discourse as a macrosign: the casual-genetic perspective of discourse linguistics / I. Oukhvanova-Shmygova // *Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semiotyczne i komunikacyjne*. Pod red. A. Kiklewicza i I. Uchwanowej-Szmygowej. – Olsztyn, 2015. – S. 43–56.

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ

АНАЛИЗ БАЛЛАДЫ ГЁТЕ «ЛЕСНОЙ ЦАРЬ»

В.В. Шальц

Полоцкий государственный университет, Беларусь

Прежде чем начать анализ баллады Гёте «Лесной царь» следует разобраться в вопросе, какое место данная баллада занимает в его творчестве, в какой момент своей жизни и каким образом Гёте пришел к ее написанию.

Гёте уже с детства получал огромное удовольствие от прочтения литературных произведений такого рода. По прошествии некоторого времени на его увлечение балладами сыграло немаловажную роль знакомство с Гердером (именно эта дружба проложила путь движению «бурных гениев»). По мнению Гердера, именно все исконное и первичное должно благотворно повлиять на современную немецкую поэзию [1, с. 140], по причине чего он и обратил свой взор на народную поэзию. Увлеченный всем этим, Гёте принялся разыскивать народные песни и послал, вернувшись во Франкфурт, свой маленький сборник в 1771 года Гердеру со словами: «Я еще из Эльзаса привез двенадцать песен, которые во время своего бродяжничества я слышал из уст старых бабушек. И это счастье! ибо их внуки поют только: “Я люблю одну Исмену”» (это была тогда модная песня) [1, с. 141]. Стиль народных песен был близок Гёте на протяжении всей творческой деятельности. Он легко и свободно использовал его в своих «книттельферзах», а простота и меткая грубоватость, идущие от народной песни, встречаются не только в маленьких песнях ранней поры.

В 1782 году 22 июля Гёте написал для «Тифуртского журнала, или Дневника» водевиль под названием «Рыбачка», в котором главная героиня поет известную нам балладу о лесном царе (Гердер как раз перевел тогда датскую народную балладу, в которой царя эльфов превратил в лесного царя. Называлась она «Дочь лесного царя» [1, с. 439]).

В балладе Гёте «Лесной царь» говорится о том, как демоническая природная сила колдовскими чарами вмешивается в сферу человеческой жизни [1, с. 439]. Каким образом люди отреагируют на вмешательство этих неизвестных и поэтому еще более притягательных и одновременно ужасающих чар? Следует остановиться на этом моменте более подробно.

Через всю балладу проходит образ всадника с маленьким мальчиком, которого всадник (отец) держит бережно и нежно (wohl) на своих руках, пытаясь защитить и спасти. Его сын, его чадо, светлое будущее. Всадник взволнован, нетерпелив, он скачет поздней ночью, невзирая на ветер и непогоду («*Weg reitet so sprdt durch Nacht und Wind?*»).

Отец и сын попадают в объятия таинственных и необъяснимых природных сил, которые все более и более запутывают их в своих сетях, заставляя разум отступить, сдаться перед натиском волшебного, могучего и непостижимого мира.

Всадник едет с одной единственной целью: спасти, сохранить того, кому дал жизнь, как любой творец, любящий свое создание (а здесь мы видим создание невинное и чистое). Как может отец, создатель, не заботиться, не стремиться защитить то, что сотворил. Мы видим вполне естественное желание. Но спасти от чего? Что угрожает ребенку? Ребенку, которого бережно охраняет отец, который скачет со своим защитником через безлюдный, глухой и безмолвный лес? Какие опасности может он сулить запоздалым путникам? Но отец на подсознательном уровне уже чувствует эту опасность, не осознавая, откуда она исходит, он замечает резкие изменения в поведении ребенка, в его лице («*Mein Sohn, was birgst du so bang dein Gesicht?*»). Отец пытается понять, постичь своим разумом, что происходит с мальчиком, как ему помочь. Данный персонаж – представитель разумного и рационального, отбрасывающий все мистическое, верящий лишь в то, что может увидеть и существование чего может доказать. Он отвергает ирреальное и пытается объяснить волнение сына чем-то существующим, тем, что не выходит за рамки непостижимого, что соответствует его представлениям («*Mein Sohn, mein Sohn, es ist ein Nebelstreif*»). Он пытается успокоить, убедить ребенка, защитить от чрезмерных фантазий, что характеризует его как любящего и заботливого отца («*Sei ruhig, bleibe ruhig, mein Kind: In dyrren Bldtern sduselt der Wind*»). Но ребенок уже находится за гранью нереального, он уже перешагнул ту черту, за которой начинается то,

что дано увидеть далеко не каждому. Ребенок со всей своей непосредственностью, живым воображением, а главное верой в сказочное и невероятное, вселяющее страх в сердца маленьких детей, упал в эту пропасть тайн и чудес («Siehst, Vater, du den Erlkcnig nicht? Den Erlkcnig mit Kron' und Schweit?»). Лесной король представляется ему в образе властелина, носящего корону и меч, образ соответствующий всем властвующим, образ, который начинает складываться у детей еще в раннем детстве на основе услышанных перед сном сказок, легенд и других историй.

Лесной король, как реальный, существующий не только в воображении персонаж, обращается к мальчику по-отечески мягко, пытаясь усыпить его своими речами, заманить в свои сети и навсегда лишить дневного света («Du liebes Kind, komm, geh mit mir!»). Прилагательное «*liebes*» выражает положительное отношение властелина леса к мальчику, его стремление быть ближе и желание одновременно склонить свое воле ребенка, расположить к себе («Gar schne Spiele spiele ich mit dir»). Лесной царь прибегает к обещаниям. Он рисует взору мальчика прекрасные картины будущего, волшебный и необыкновенно прекрасный мир. Но ребенок спокоен, он противится, он не поддается чарам. Напряжение, как мы видим, все более и более возрастает, усиливающийся страх ребенка выражается с помощью строк, которые служат и для усиления драматизма ситуации: «Mein Vater, mein Vater, und hrest du nicht, was Erlkcnig mir leise verspricht?». И в следующей строфе: «Mein Vater, mein Vater, und siehst du nicht dort Erlkcnigstochter am dystem Ort?». И кульминационные строки: «Mein Vater, mein Vater, jetzt faht er mich an! Erlkcnig hat mir Leid getan!». Но отец никак не желает понять, что происходит с ребенком, он по-прежнему отталкивает всякую возможность существования чуждого ему мира, мира, где нет места разуму и всему тому, что он создал. Свою уверенность и непоколебимость он пытается внушить и ребенку, заставить поверить его в реальность, разрушить плод его воображения («Mein Sohn, mein Sohn, ich seh es genau: es scheinen die alten Weiden so grau»). Ничто не может поколебать уверенного отца. Тем временем лесной король становится все настойчивее, он не может и не хочет ждать, ему не терпится забрать в свои владения это чистое и невинное создание («Willst, feiner Knabe, du mit mir gehn? Meine Tdchter soolen dich warten schon»). Он подчеркивает, какой желанный гость в его царстве мальчик, пытаясь сыграть на самолюбии ребенка, снова употребляет прилагательное «*feiner*», успокаивающее малыша и показывающее доброе его к нему отношение. Но терпение у лесного короля не безгранично. Когда он понимает, что все обещания напрасны, он начинает угрожать и, как мы убеждаемся, эти угрозы имели под собой почву («Und bist du nicht willig, so brauch ich Gewalt»).

Сюжетобразующим фактором служит в данной балладе использование диалога, в нашем случае диалога между отцом и сыном. Слова же автора дают нам определенное представление о времени развития событий, о их условиях, главных действующих лицах, служат определенным ориентиром при прочтении текста, обращают наше внимание на наиболее важные моменты и даже характеризуют персонажа.

«Er hat den Knaben *wohl* in dem Arm». Именно «*wohl*» подчеркивает, как дорога ноша для всадника.

«Er faht ihn *sicher*, er halt ihn *warm*». Проскальзывают теплые ноты, дающие характеристику чувств отца к ребенку: нежные, отеческие объятия, пытающиеся обезопасить, дать надежный тыл.

В балладе «Лесной царь» можно выделить и мифологические элементы, элементы необъяснимого и сверхъестественного, которые проявляются в образе лесного короля, которого видит и чувствует ребенок, но не может увидеть и поверить в его существование отец. Но в литературном произведении он описывается как реальный персонаж, герой, который живет не в воображении, не является вымыслом. Он обращается к ребенку, манит, зовет его к себе.

В балладе ясно представлен образ царства лесного короля и его дочерей, которые играют и поют, с нетерпением ждут в своих владениях нашего маленького героя, что также является элементом сказочным и мифическим.

«Meine Tdchter sollen dich warten schon:
Meine Tdchter fhren den ndchtlichen Reihn
Und wiegen und tanzen , und singen dich ein».

Сюжет развивается драматически. Начинаясь спокойно, он набирает обороты. Драматизм усиливается. Заканчивается произведение тем, что всадник привозит домой мертвого сына.

«Erreicht den Hof mit Mhe und Not:
In seinen Armen das Kind war tot».

Таинственность и загадочность придает тексту и некая недосказанность [2, с. 11]. Баллада заканчивается смертью ребенка, но мы можем лишь догадываться, как отец ее воспринял, каковы были его дальнейшие действия и как в будущем он будет относиться ко всему мифическому, невероятному и не поддающемуся анализу.

В тексте множество слов и фраз, концентрирующих наше внимание на кульминационных моментах. «Mein Sohn, was birgst du so *bang* dein Gesicht?» Слово «*bang*» подчеркивает душевное состояние мальчика, его страх.

«Mein Sohn, mein Sohn, ich seh es *genau*.» Посредством слова «*genau*» мы понимаем, как важно для любящего отца, вселить уверенность в сердце малыша по поводу того, что ребенок грезит, что это лишь вымысел, плод его воображения.

Важным и неотъемлемым качеством баллады является синтез элементов эпоса, лирики и драмы [3, с. 160]. В балладе «Лесной царь» они ярко выражены.

Драматизм подчеркивается тем, что ребенок весь проделанный путь пытается донести до отца то, во что всей душой поверил, что тревожило и мучило его, не давая покоя, и лишило жизни, но трезво мыслящее сердце отца так и не откликнулось на его призыв, осталось бесчувственным, разумным и рассудительным до конца. Какую роль сыграло его поведение? Можно ли было спасти ребенка, догадываясь отец разделить с ним его переживания, войдя в мир, открывшийся поздней ночью мальчику?

Баллада Гёте «Лесной царь», относящаяся к разряду природно-магических в силу своего содержания, является частью немецкой поэзии. Она сумела сохранить в себе опыт предшествующих поколений, дать пищу для размышлений, вобрала в себя всё то, что по праву можно считать достоянием народа, сокровищницей нации, предоставила большие возможности для поиска новых средств поэтического языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конради, К.О. Гёте. Жизнь и творчество / К.О. Конради; пер. с нем.; предисл. и общ. ред. А. Гугнина. – Т. 1: Половина жизни. – М.: Радуга, 1987. – 592 с.
2. Эолова Арфа: Антология баллады / Сост., предисл., коммент. А.А. Гугнина. – М.: Высш. шк., 1989. – 671 с.
3. Wege zum Gedicht, Interpretation von Balladen / Herausgegeben von Rupert Hirschenauer und Albrecht Weber.
4. Goethes Werk. In zwölf Bänden. Bd. 1. Gedichte / Herausgegeben von den nationalen Forschungs- und Gedenkstätten der klassischen deutschen Literatur in Weimar. – Aufbau – Verlag: Berlin und Weimar, 1981.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БАЛЛАД И.В. ГЁТЕ «РЫБАК» И «ЛЕСНОЙ ЦАРЬ»

К. Панкевич

Полоцкий государственный университет, Беларусь

В данном эссе я постаралась провести сравнительный анализ двух баллад известнейшего немецкого писателя Иоганна Вольфганга Гёте. Первая баллада под названием «Рыбак» («Der Fischer»). Именно с неё я начну анализ на базе первого уровня: текст как таковой.

Название баллады наталкивает на мысль, что речь в данном произведении пойдёт о человеке, который ловит рыбу на берегу реки. Так оно и есть, однако при прочтении первой строфы, понимаешь, что в балладе главным является совсем не рыбак.

Первые строки несут в себе информацию о душевном, психическом состоянии главного персонажа. Он сидит полный спокойствия, более этого – он холодный до самого сердца, это подтверждает следующая строка: «... kühl bis ans Herz hinan...». Такой приём ещё больше нагнетает обстановку, порождает какое-то противоречие, так как в сознании образ человека с удочкой имеет совершенно иное представление: увлечённого, в некой степени азартного, с огнём в глазах. Здесь же присутствует отречённость, безразличие и т.п. И вот эту «холодную» атмосферу прерывает образ мифического существа – мокрой девы (ein feuchtes Weib). Стоит отметить, что через «шумное», «бурлящее» появление данного персонажа, ещё более трагично выглядит сам рыбак и атмосфера, в которую он погружён. Во второй же и третьей строфе ярко выражен умысел данной девы. Своими речами с мотивом напева она манит рыбака в глубины. Она задаёт рыбаку вопросы при этом, не ожидая ответа, так как заранее уверена в победе своей стихии. В последнем восьмистишии мы в этом убеждаемся, можно сказать, что рыбак под властью этого существа, и хотя конец баллады остаётся довольно непонятным, таинственным, одно предельно ясно – он покорён водной стихией.

На чём же основан сюжет второй баллады Гёте «Лесной царь» (der Erbkönig)? В первую очередь стоит отметить, что, как и предыдущая баллада, так и эта носит мифический характер. Здесь также присутствует фольклорный образ, а именно в данной балладе – Лесной царь. Ещё по одному признаку можно сравнить обе баллады: в них представлены существа со схожей целью по отношению к рыбаку и маленькому мальчику. Лесной царь всеми силами пытается овладеть мальчиком, и как мы видим, у него это